

Властелины рынка

Начиная с конца 1990-х годов Россия все более активно полагается «исключительно на экономические средства» достижения своих внешнеполитических целей

Антон Олейник.....

За исключением случаев национализации или экспроприации частной собственности, бизнес и государство не связаны каким-либо «контрактом о найме». Если государство не нанимает бизнес подобно тому, как бизнес — работника, способны ли представители такого государства преследовать собственные интересы посредством регулирования рыночных транзакций, одновременно избегая как явного изменения структуры собственности, так и связанной с этим ответственности?

Как закалялась рыночная власть

Интуиция подсказывает, что вместо выплаты фиксированной зарплаты государство может создать такие условия, при которых получение прибыли бизнесом будет обусловлено признанием приоритета государства в решении даже тех вопросов, которые обычно находятся в компетенции бизнеса. Это происходит, когда государство исполняет роль «охранника на входе», допускающего на рынок только тот бизнес, который признаёт приоритет государства в принятии ключевых решений¹. Ограничение конкуренции способствует увеличению прибыли, которую захватывает бизнес, входящий в число «избранных». В отличие от фиксиро-

ванной оплаты, лежащей в основе контракта о найме, данная схема вознаграждения не предполагает никаких гарантий со стороны «нанимателя», то есть государства. Более того, бизнес вообще не получает вознаграждения напрямую от государства. Государство вознаграждает послушный бизнес, наделяя его правом на получение прибыли и способствуя увеличению его экономической власти. В ответ же бизнес, принадлежащий к кругу «избранных», всеми доступными средствами способствует укреплению политической власти государства².

Аналогичные процессы характерны также для международных экономических и политических отношений. После долгих лет использования в борьбе за статус мировой державы преимущественно военных средств Россия начиная с конца 1990-х годов все более активно полагается «исключительно на экономические средства» достижения своих внешнеполитических целей. Ее современная внешняя политика включает в себя элементы господства, основанного на меркантилизме, который предполагает превращение существующих перекосов в структурах международного рынка в ресурс для укрепления власти. Проводя такую политику, государство «стремится к господству на мировых рынках за счет контроля ресурсной базы и периодически используя дипломатические санкции... иногда даже силу, но воздерживаясь от ведения войны и территориальной экспансии»³.

ДАННАЯ СТАТЬЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СОКРАЩЕННЫЙ И АДАПТИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ «ПРЕДИСЛОВИЯ» К КНИГЕ «ВЛАСТЬ И РЫНОК», КОТОРАЯ ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ В 2010 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «РОССПЭН»

Мировому рынку энергоносителей, прежде всего нефти и природного газа, свойственна структура, далекая от идеала совершенной

Таблица 1

КОЭФФИЦИЕНТЫ ОБЩЕЙ ЗАВИСИМОСТИ* СТРАН — ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОТ ПОСТАВОК ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ (СЫРАЯ НЕФТЬ, ПРИРОДНЫЙ ГАЗ И УГОЛЬ) ИЗ РОССИИ		
	2004 г.	2006 г.
Австрия	21,351	22,312
Бельгия	16,75	18,295
Болгария	37,504	38,705
Великобритания	2,7	6,3432
Венгрия	48,699	51,089
Германия	21,525	23,024
Голландия	11,3	13,971
Греция	23,678	23,634
Дания	5,67	5,635
Ирландия	0	0
Испания	9,235	10,968
Италия	22,336	17,145
Латвия	67,701	37,28**
Литва	47,168	64,191
Польша	27	30,361
Португалия	3,7905	0,0536
Румыния	22,28	19,611
Словакия	53,702	52,56
Словения	7,2882	6,4752**
Финляндия	40,882	36,896
Франция	8,0252	10,614
Чехия	24,653	26,124
Швеция	8,2876	11,269
Эстония	13	15,55**
EU-27	17,187	18,716

* Коэффициент общей зависимости равен сумме произведений доли данного носителя энергии в общем энергетическом балансе, доли импорта данного носителя энергии в общем потреблении и доли поставок из России в общем объеме импорта.

** Данные о сырой нефти отсутствуют.

Источники: European Commission. An EU Security and Solidarity Action Plan. Commission Staff Working Document SEC (2008) 2871; European Commission. EU Energy Policy Data. Commission Staff Working Document SEC (2007) 12.

конкуренции. На этом рынке предложение контролируют несколько ключевых игроков, в первую очередь Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и Россия. По состоянию на вторую половину 2009-го под контролем ОПЕК находилось примерно треть совокупного предложения сырой нефти, под контролем России — более десятой части. Начиная с 1980-х годов Россия и Саудовская Аравия являются двумя крупнейшими производителями сырой нефти в мире ⁴.

Страны Европейского союза в возрастающей мере зависят от поступления энергоносителей из России. В 2006-м поставки из России обеспечили примерно одну пятую всего энергопотребления ЕС (в расчет принимались все источники энергии, включая атомную). Это означает полуторапроцентный прирост только за два года, если сравнивать с 2004-м (см. табл. 1).

Доказанные запасы нефти и газа создают предпосылки для еще большего укрепления позиций России как ключевого игрока на мировом рынке энергоносителей, имеющего характер олигополии. Пусть доля России в доказанных мировых запасах нефти не очень велика — она составляет примерно 5 проц., но в доказанных мировых запасах природного газа ей принадлежит 27 проц., что делает ее абсолютным лидером среди потенциальных поставщиков энергоносителей в будущем ⁵. Несмотря на конкуренцию ряда других сильных игроков, Россия обладает способностью контролировать доступ к этому рынку благодаря значительным инвестициям в транспортную инфраструктуру, прежде всего — в нефте- и газопроводы, доставляющие энергоносители конечному потребителю. После того как конечный потребитель оказывается подключен к трубе, смена поставщика становится для него весьма дорогим занятием. К тому же число альтернативных поставщиков тоже ограничено ввиду существующей олигополии.

В аналитической философии четко различаются два компонента власти — стратегический и структурный. Структурный компонент отражает перекосы, существующие в рыночных структурах, тогда как стратегический — целенаправленную деятельность держателей власти по воспроизведению и усилению этих перекосов. «Везение... позволяет некоторым получить желаемое, не прилагая особых усилий»⁶. Власть вместе с тем требует постоянных усилий, направленных на извлечение максимума из складывающейся ситуации и на упрочение благоприятных условий с прицелом на будущее.

Такой подход означает, что, во-первых, существуют перекосы в рыночных структурах, какими бы незначительными изначально они ни были; во-вторых, обладающие властью лица осознают связанные с этими структурными перекосами возможности и, в-третьих, своими действиями они способствуют расширенному воспроизводству перекосов. В начале рыночных реформ не было недостатка в структурных перекосах, унаследованных от плановой экономики: дисбаланс между объемом выпуска средств производства (так называемой группой «А») и предметов потребления (группа «Б»); дисбалансы между различными отраслями промышленности, между легальным и теневым секторами экономики, на рынке энергоносителей и т. д. К концу 1990-х держатели власти осознали потенциал дальнейшего укрепления своей власти, содержащийся в указанных дисбалансах. А в период с 1999 по 2008 год они перешли к практическим действиям по использованию имеющихся возможностей и созданию новых.

Сказанное позволяет предположить, что властечетричное общество — а российское является именно таковым⁷ — не смогло бы пережить постсоветские реформы и ряд глубоких политических и экономических кризисов без целенаправленных действий со

стороны власть имущих по сохранению его зависимости от власти. Иногда им просто везло, однако по мере того, как Советский Союз уходил все дальше в прошлое, они приобретали все большую власть. Что это за люди и какое место в институциональной структуре они занимают? Согласно Чарльзу Райту Миллсу, данный вопрос можно переформулировать следующим образом: кто образует властвующую элиту России? «Властвующая элита состоит из людей, чьи позиции позволяют им выйти за рамки среды обычных мужчин и женщин; их позиции позволяют им принимать решения с далекоидущими последствиями»⁸.

Российская властвующая элита

Вряд ли имеет смысл искать на Западе аналоги российской властвующей элиты. Например, Миллс включает в американскую властвующую элиту середины XX века высших представителей государства, крупных корпораций и армии. Он был бы удивлен, узнав, что сорок лет спустя — в России 1990-х годов — в эту компанию попали и даже стали играть в ней ведущие роли участники организованной преступности. Чарльз Тилли, однако, был бы удивлен данным фактом значительно меньше, ибо он как раз подчеркивал сугубо относительный характер границы, отделяющей государство от организованной преступности, особенно на ранних этапах эволюции государства⁹.

Решения, исходившие из среды организованной преступности, имели в тот период «далекоидущие последствия», и понимание того, как российская институциональная система тогда работала, вряд ли возможно без четкого осознания этого момента¹⁰. Сказанное не означает, что Россия на какое-то время перестала быть властечетричным обществом, что вроде бы следует из частого использования в разговорах о 1990-х образных выражений «ревущие девяностые» или

«беспредел». Просто власть попала в руки членов криминальных групп, которые разделили ее с другими представителями властвующей элиты.

Постепенное исчезновение криминала из властвующей элиты, наблюдаемое с конца 1990-х годов, — одни его представители приобрели полностью легальный статус, другие маргинализировались, утратив бывшее влияние, а некоторых просто убили — не привело к утверждению западных стандартов. Ряд исследований показывает, что ни одна социальная группа в России не способна

женных элементов, а пирамиды с правителем на вершине, обществом в основании и государством посередине.

Результаты социологических опросов содержат многочисленные свидетельства того, что процесс дифференциации этих трех элементов действительно происходит. В частности, общество представляется четко отделенным от двух других элементов пирамиды и, более того, противопоставленным им. Контакты между обществом и теми, кто находится на верхушке пирамиды, минимальны даже в случае местных властей. Пилотный

“Постепенное исчезновение криминала из властвующей элиты, наблюдаемое с конца 1990-х годов, не привело к утверждению западных стандартов”.

сформулировать и реализовать программу развития и, следовательно, не может претендовать на место в элите. «Российская элита не только фактически не имеет программ развития, но и не обладает (по ее собственному признанию) способностью их выработать. В этих обстоятельствах можно говорить о кастрации элиты в сегодняшней России, об отсутствии в ней лидеров и даже самих представлений о лидерстве»¹¹. Быть может, элит в роли проводников прогресса и просвещения в России действительно нет, однако властечетричное общество без властвующей элиты не смогло бы просуществовать и дня.

Процесс модернизации должен влечь за собой постепенное разъединение трех элементов институциональной среды, от которых напрямую зависит структура властных отношений, а именно правителя, государства и общества¹². Во властечетричном обществе их полное разделение попросту невозможно ввиду того, что повседневные взаимодействия укоренены во власти. Если процесс дифференциации и происходит, то он приводит к появлению не трех равнополо-

опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» (ФОМ) на репрезентативных выборках в четырех российских регионах в октябре 2003 года¹³, показывает, что большинство опрошенных на протяжении двух последних лет как сами не имели каких-либо контактов с представителями местных властей, так и не имеют родственников или знакомых, контактировавших с местными властями (таковых оказалось 60 проц. в Чувашии, 57 в Красноярском крае, 48 в Самарской области и 47 проц. в Саратовской области, $N = 800$ в каждом из регионов).

Повседневный дискурс указывает также на разрыв между элементами пирамиды на низшем уровне. Два собеседника¹⁴ независимо друг от друга сослались на Александра Розенбаума в контексте обсуждения отношений между властью и обществом: «В моем представлении вообще руководствоваться государственным интересом — это плохо. У Розенбаума вот есть строки: “Под Курском соловьи поют, // В Москве зады начальству лижут. // Я Родину свою люблю, // Я государство ненавижу”. Ну, видите, как он здоро-

во и метко сказал» (м., 41—50 лет, начальник отдела в региональной администрации). «Стихи такие есть, мне они очень понравились, однажды услышала. Это Розенбаум. “Я родину свою люблю, а государство ненавижу”. Обожаю эту фразу. Очень точно сказано, очень точно. В России, к сожалению, государство совершенно отделено от общества, на мой взгляд, совершенно отделено. Мне кажется, государство, которое сегодня представляет президент, правительство, там региональные какие-то власти, не все там поголовно, но они слишком далеки от общества, очень далеки» (ж., 31—40 лет, эксперт).

Естественным местом властвующей элиты является вершина пирамиды, что позволяет видеть в ней воплощение не просто власти, а верховной власти. На протяжении истории роль верховной власти исполнял целый ряд институтов: царский двор, собственная Его Императорского Величества канцелярия, Центральный Комитет КПСС, Администрация Президента.

Сложнее разобраться в отношениях между двумя элементами, расположенными в верхней части пирамиды, а именно верховной властью (правителем) и государством. Сводится ли роль государства к простому обслуживанию верховной власти, а у его представителей отсутствуют какие-либо притязания на власть? Или же, наоборот, их следует включить в состав властвующей элиты, ибо занимаемое ими место позволяет принимать решения, «имеющие далеко идущие последствия»? С одной стороны, Оксана Гаман-Голутвина¹⁵ и Ричард Хелли¹⁶ описывают представителей государства в терминах «служилого класса», что призвано подчеркивать его подчиненную позицию по отношению к верховной власти. С другой стороны, общественное мнение в России однозначно видит в представителях государства тех, кто захватывает и присваивает власть. Результаты опросов, проведенных

аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр) на репрезентативных выборках в 1999 и 2008 годах, свидетельствуют: большинство россиян убеждено, что власть находится в руках представителей государства (см. табл. 2 на с. 117).

Есть несколько терминов, с помощью которых описывают представителей государства: гражданские служащие; лица, находящиеся на службе общества (*public servants*); бюрократы; чиновники. Термин «бюрократ» крепко привязан к теории рациональной бюрократии Вебера и по этой причине не вполне уместен в российском институциональном контексте¹⁷. Обозначения «гражданский служащий» и «лицо, находящееся на службе общества» имеют смысл лишь при допущении, что представители государства действуют в интересах общества. Термин «государственная служба» синонимичен термину «служилый класс»: «Российские бюрократы не могут быть “гражданскими служащими”, от них прежде всего требуется быть “государственными служащими”»¹⁸. Поэтому он содержит в себе имплицитное допущение, что представители государства лишены какой-либо власти и довольствуются ролью простых ретрансляторов высшей воли.

Использование термина «чиновник» не исключает ни одной из сформулированных выше гипотез: с одной стороны, представители государства как наместники (*lieutenants*) верховной власти, с другой стороны, представители государства как члены властвующей элиты. Более того, этот термин весьма уместен в контексте властечцентричного общества, где место в иерархии власти — чин превращается в важнейший детерминант поведения¹⁹. Обладание чином подчеркивает в высшей степени амбивалентный характер места, занимаемого представителями государства в российской институциональной структуре: они служат передаточным звеном воли, выраженной верховной властью, и

одновременно присваивают часть ее властных полномочий. Тенденция к присвоению представителями государства части власти в отношении общества характерна, по мнению Гаман-Голутвиной²⁰, для всей российской истории. Им никогда не удастся получить власть в полной мере, но они и никогда не прекращают своих попыток.

В этом смысле чиновничество занимает место субэлиты, которая вовсе не лишена власти, хотя и не обладает ее полнотой²¹. Константин Победоносцев, российский государственный деятель XIX века, удачно выразил всю двойственность позиции его коллеги чиновника: «Несчастный, прежде чем командовать, он должен научиться подчиняться»²². Ежедневно сдавая экзамен на послушание и благонадежность, чиновники получают шанс присвоить некоторые властные prerogatives. Они не обладают независимым от верховной власти источником власти и потому воспроизводят в своих повседневных действиях ту же модель, которая существует на самой вершине пирамиды.

Анатомия властвующей субэлиты

При определении реального места конкретной должности в пирамиде власти неформальные критерии играют существенную роль наряду с официальными классификациями. Важное значение неформальных институтов в структурировании отношений внутри властвующей элиты и субэлиты не должно удивлять, учитывая общее преобладание неписаных правил над писаными, характерное для России²³. Стоит тем не менее отметить, что распространенность неформальных норм не делает их ключевым механизмом координации во властечетричном обществе. Неформальные нормы играют во властных отношениях вторичную, вспомогательную роль.

Например, в советское время существовало негласное различие трех типов долж-

ностей управленцев в экономической сфере: хозяйственник, аппаратчик и технократ. Должности первого типа занимали «лица, распределявшие ресурсы и ответственные за результаты этого распределения»²⁴, должности второго типа — «лица, готовившие инструкции и устанавливавшие правила», третьего — «индивиды, занимавшиеся техническим обеспечением деятельности должностных лиц из первых двух групп». Важно отметить, что, с одной стороны, описания этой классификации не найти в официальных справочниках или должностных инструкциях. С другой стороны, каждый из трех типов должностей предполагает определенный стиль поведения и членство в неформальной группе, а не соответствующую запись в трудовой книжке (например, хозяйственники вполне могли занимать должности, позволявшие им влиять на проводимую политику и установление правил²⁵). Каковы же основные неформальные группы внутри властвующей элиты и субэлиты современной России?

«**топы**» Трудности с проведением четкой разделительной линии между властвующей элитой (верховной властью) и властвующей субэлитой не мешают самим чиновникам более или менее точно определять высшие эшелоны государственной службы. Оценки респондентов позволяют отнести к верхнему уровню властвующей субэлиты должностных лиц, называемых на сленге чиновников «топами». «Топы» занимают должности от заместителя федерального министра и выше:

«Есть министр, и есть его заместители. Наверное, там большинство решений принимается на этом уровне, причем, если зам выходит за рамки своей компетенции, он все равно посоветуется с министром» (м., 41–50 лет, зам. руководителя федеральной службы).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ЧТО ТАКОЕ, ПО-ВАШЕМУ, "ВЛАСТЬ"? ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРИХОДИТ ВАМ НА УМ, КОГДА ПРОИЗНОСИТСЯ ЭТО СЛОВО?»		
	Апрель 1999 г.	Июнь 2008 г.
Насилие, принуждение	18	12
Государство, правительство	40	47
Чиновники	22	32
Начальство	13	24
Возможность командовать людьми	15	22
Конституция, законы	27	26
Управление делами общества	7	15
Привилегии	21	17
Поддержание порядка	14	15
Злоупотребление, своекорыстие	29	20
Социальная защита, обеспечение малоимущих	10	10
Направляющая, руководящая сила	10	12
Люди, избранные народом и отвечающие перед ними	13	13
Затруднились ответить	4	3
N	2000	1600

Источник: Общественное мнение — 2008. Левада-Центр, 2008. С. 29.

Критерием для включения в эту группу является не столько сама должность, сколько определенный тип поведения. Некоторые собеседники, которых вполне можно отнести к властвующей субэлите, признаются в своей неспособности понимать и правильно предсказывать действия «топов»: они просто не укладываются в модель поведения обычных чиновников.

«Мотивация министра для меня – загадка. Бывали случаи, когда министр раскрывал свою мотивацию передо мной. Я удивлялся, мне бы в голову не пришло такое, такая сложная и хитрая мотивация» (м., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Ряд образцов «демонстративного потребления»²⁶, таких как использование служебной машины определенного типа, также

помогают без труда отличить «топов» от других членов властвующей субэлиты. За федеральными министрами, начальниками управлений Администрации Президента и помощниками Президента закреплены – по состоянию на октябрь 2009-го – автомобили представительского класса BMW 750iL с рядом дополнительных опций. Заместители министров довольствуются чуть менее роскошными BMW 525i и так далее.

«Служебные машины – это определенное отличие. То есть это скорее не столько корпоративная культура, сколько процедура чуть ли не на уровне закона: на какой машине кто должен ездить» (ж., 41–50 лет, эксперт).

Формальные предписания относительно места жительства «топов» отсутствуют. Несмотря на это, члены властвующей субэли-

ты говорят о еще одной критерии отнесения к «топам»: они имеют тенденцию проживать в наиболее престижном районе Москвы и Подмосковья, вдоль Рублёвского шоссе, или на «Рублёвке»: «Если я стал замминистра, то я должен жить на Рублёвке» (м., 51–60 лет, бывший вице-губернатор).

«ЛИБЕРАЛЫ» И «СИЛОВИКИ» Для дискурса о постсоветских реформах обычно характерно противопоставление двух групп внутри властвующей элиты и субэлиты, а именно «либералов» — сторонников политики *laissez-faire* и неоклассических подходов к проведению экономических реформ, и «силовиков», то есть представителей силовых министерств. Первые ассоциируются с Министерством экономического развития, вторые — с такими государственными органами, как Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, Служба внешней разведки, Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и некоторые другие, имеющие привилегию легитимного использования физической силы. Число документов, размещенных в РуНете, русскоязычном сегменте Интернета, и содержащих каждый из этих двух терминов, примерно одинаково ²⁷.

«Всю вторую половину 2004 года огромное количество людей носилось по силовикам и говорило: ребята, будет плохо, и вам же еще придется их [пенсионеров, протестующих против монетизации своих льгот] разгонять... Ответ двух третей силовиков: “Замечательно! Подставятся эти суки либералы, и мы их выкинем на фиг или потесним!!!”» (м., 31–40 лет, бывший советник заместителя премьер-министра).

Крыштановская говорит о постепенном увеличении доли «силовиков» среди членов постсоветской властвующей субэлиты по сравнению с советским периодом: «Весь период демократизации в России сопровождался ростом присутствия военных во власти. С 1988 по 2002 год их доля возросла почти в семь раз» ²⁸. К любой оценке сравнительной влиятельности «силовиков» и «либералов» на основе сопоставления численности этих двух групп следует подходить чрезвычайно осторожно. К «силовикам» принято относить чиновников, носящих форму (или носивших ее в прошлом), а к «либералам» — прежде всего чиновников, так или иначе связанных с двумя московскими вузами с существенным неоклассическим компонентом в программе: Высшей школой экономики и Российской экономической школой (именно их чаще всего упоминали в этой связи респонденты).

Во-первых, власть отнюдь не обязательно находится в прямой зависимости от относительной величины каждой из групп. Здесь необходимо учесть как минимум две других переменных: место в пирамиде власти и степень внутренней сплоченности группы. Публичный дискурс может преувеличивать степень действительного влияния «видимой руки» «силовиков» на процесс принятия решений, каким бы впечатляющим ни было их общее число ²⁹.

«Я много читала [о “засилии силовиков”], но сама я ни разу не сталкивалась, чтобы в принятии решений... Ну, может быть, потому что те решения, которые меня интересуют, мало пересекались с силовыми ведомствами. Причем складывается такая ситуация: либо силовые ведомства на самом деле более пассивны, чем это можно было бы предположить, либо что силовые ведомства, вообще говоря, не всегда понимают

смысл происходящего» (ж., 41–50 лет, эксперт).

Во-вторых, членство в каждой из двух групп зависит в меньшей степени от формальных связей с тем или иным министерством или университетом, а в большей — от использования особой «общей модели мира» (*shared mental model*), «которая позволяет интерпретировать окружающую среду определенным образом и содержит нормативные предписания относительно того, как она должна быть организована»³⁰. Ссылки на идеалы «служения» распространены в дискурсе о «силовиках» — как в их самооценках, так и в характеристиках, выдаваемых другими респондентами. Этот идеал контрастирует с тем, который приписывается «либералам», а именно с духом предпринимательства и исключительно утилитарной, прагматической ориентацией.

«Очень разные мотивы, зависит от конкретных людей. Кто-то... руководствуется, причем определено, материальной выгодой, кто-то стремится продвигаться по службе. Кто-то думает о государственных интересах, извините за пафос... Долг, служение, призвание — все это должно быть востребовано государством» (м., 41–50 лет, высокопоставленный сотрудник Администрации Президента).

При более внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что акцент на служении, характерный для «силовиков», и акцент на утилитаризме, свойственный «либералам», отнюдь не обязательно противоречат друг другу в контексте переплетения власти и рынка. Наоборот, «силовики» и «либералы» могут обладать сравнительными преимуществами в том, что касается преобразования рынка в механизм для воспроизводства вла-

сти. Ни одна из этих групп, по сути, не заинтересована в полном избавлении от соперников ввиду частично взаимодополняющего, частично взаимоисключающего характера их знаний и умений. Обеспечение продолжающегося воспроизводства власти, главная задача «силовиков», требует глубоких знаний по экономическим вопросам, которыми они не обладают. В то же самое время максимизация прибыли, являющаяся основной заботой «либералов», облегчается при использовании и сознательном усилении перекосов в рыночной структуре, для чего необходимы навыки контроля, которых нет у «либералов».

«Они [“силовики”] лоббисты хорошие... Лоббисты государственных интересов... Например, одно очень крупное предприятие приватизировано, и 5 проц. оставалось у государства. И что делать с этими 5 процентами? Они государству не нужны... Там была махинация — первоначально было 17 проц., а потом стало 5. Причем процедура была плохо выполнена. Законно или незаконно — не хочу обсуждать. И нам с правоохранительными органами удалось убедить, что государству принадлежит 17 процентов. Очень крупная страховая компания. Сторговались и заставили их выкупить эти акции по приемлемой для государства цене. Выкрутили руки, заставили купить. Получили деньги в бюджет, получили звезды, повысили свой статус» (м., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Представители российской властвующей элиты, которые достигли в 1999–2008 годах вершин власти, обладают в этом смысле уникальным опытом, который порождает весьма странный — но только на первый взгляд — гибрид двух «моделей мира»: либеральной и силовой. Многие из тех, кто в конце 1980-х

находился на службе в армии и органах государственной безопасности, в начале 1990-х ушли в бизнес: кризис обусловил значительные сокращения сотрудников силовых структур. Некоторые из них впоследствии вернулись на государственную службу, приобретая в результате «амбивалентное сознание, принимающее как новый рынок, так и старые идеи великодержавности и социалистического равенства. Путин, как и многие другие военные, стал одновременно и левым, и правым»³¹.

КОМАНДЫ КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА РОССИЙСКОЙ

ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ И СУБЭЛИТЫ Любое описание состава российской властвующей субэлиты, обращающее внимание исключительно на индивидов или такие достаточно широкие группы, как «топы», «либералы» или «силовики», будет заведомо неполным. Ключевая организационная единица представляет собой узкий круг чиновников, связанных между собой не столько формальными связями, производными от должностных инструкций, сколько личностными отношениями, основанными на лояльности.

«Кадровый человек совершенно не рассматривается как единица, а рассматривается как чей-то. Поэтому в первую очередь все ориентируются на групповое поведение, соблюсти интересы корпорации» (м., 31–40, директор департамента Администрации Президента).

В советское время такими «кирпичиками» в организации государственной службы были «кланы» и «обоймы», но, как будет показано ниже, они были значительно менее распространены. «Кланом» называли «межинституциональную неформальную общность, существующую параллельно с формальными иерархизированными группами»³². «Обойма», в свою очередь, означает «группу

сторонников, объединенных вокруг своего лидера»³³.

Сегодня термины, используемые для описания неформальных групп в рамках государственной службы, несколько изменились. Термин «команда» относится к малой, иерархически организованной группе чиновников, объединенных вокруг своего лидера. Она обычно включает в себя от двух-трех (руководитель и один-два его ближайших заместителя) до десятка чиновников, которых объединяет опыт либо совместной службы в армии, либо одновременной учебы в вузе, либо проживания по соседству, либо совместной работы в государственном органе на предыдущем этапе карьеры и так далее. С использованием этого термина связана своеобразная игра слов: «команда» означает и сплоченную группу, и приказ, отдаваемый вышестоящим лицом. Команды пронизывают большинство эшелонов властной пирамиды, начиная с верхнего среднего (директора департаментов обычно формируют свою собственную команду). Собеседники затрагивают различные аспекты, связанные с командами, значительно чаще других тем, о чем свидетельствует анализ сравнительной частотности кодов, присвоенных различным фрагментам транскриптов интервью в процессе контент-анализа³⁴. Общая частотность кодов «Команды» (*Teams*) и «Другие команды» (*Other teams*) равна 312, что превышает частотность других кодов.

«Команда может распасться на какое-то время, в том смысле, что люди остаются в разных ведомствах, а потом снова собираться... Вот большой начальник уходит, и, казалось бы, он собрал под собой большую команду – вот тот же Х. – он работал с 1998 года в Минфине и в Белом доме... Вот и опять же изучаем телефонный справочник: он собрал около себя команду, там были разные люди – были его однокашники по У., были совсем

молодые люди из “Вышки”... Они работали несколько лет вместе, скажем, до 2001 года где-то... После этого каким-то образом ситуация изменилась... и часть людей разлетелась – по другим ведомствам, министерствам, департаментам Белого дома... А потом я смотрю, раз – в Мин[истерстве] Z все и собрались, как только X стал министром. Ну, то есть пришло время собирать камни... А команда, как правило, это какой порядок, количество человек? И какая структура? Двухуровневая, трехуровневая или как? Ну, мне кажется, что это всегда первое лицо плюс один, два, максимум три человека. Реально близких, с кем по жизни всегда. Потому что без первого-второго-третьего – не заместителей, нет... Но это мы говорим уже про “топов”, да? Без них он не может...» (м., 31–40 лет, бывший

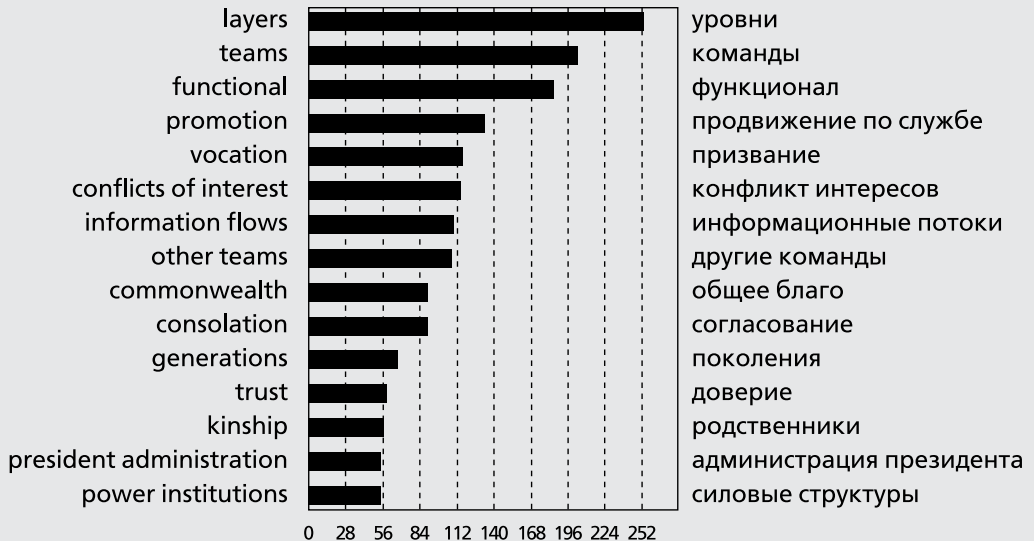
глава департамента федерального министерства)³⁵.

«Скамейка» представляет собой особый тип команды. В нее входит более широкий круг лиц, лояльных «топу», включая даже обслуживающий персонал: рядовых специалистов, водителей служебных машин, даже уборщиц. Эти люди зачастую выполняют личные и «деликатные» поручения «топов» и их ближайшего окружения, и, следовательно, они должны быть лояльными и лично преданными. В любом случае эти лица имеют доступ к конфиденциальной и приватной информации³⁶.

«Есть такое выражение: “ушел со своей скамейкой” – это значит, что кто-то откуда-то ушел и взял с собой практически всех единомышленников всех уровней... Ну, там может быть и обычный

Рисунок 1

ЧАСТОТНОСТЬ КОДОВ В ТРАНСКРИПТАХ 64 ИНТЕРВЬЮ (ДАННЫЕ ДЛЯ КНИГИ КОДОВ «КОНСТИТУЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»)

делопроизводитель, и секретари. Ну, вот стандартный вариант: все руководители уходят, и секретари уходят вместе с ними... Это ведь совершенно разного уровня люди, но которые именно работают в команде – в широком смысле этого слова» (м., 41–50, заместитель руководителя федеральной службы).

Если доверие вообще существует на государственной службе, то оно дополняет власть в качестве механизма координации лишь внутри команд и «скамеек» как их специфической формы. Из всех возможных последовательностей кодов только коды «Команды» и «Другие команды» формируют вместе с кодом «Доверие» (*trust*) устойчивые комбинации, чья вероятность появления превышает статистическую погрешность.

«"Доверие" в команде – это важнейшее слово... [чиновник] уже настолько в команде, что попытка установить с ним какие-то новые связи грозит его долгосрочному статусу в этой команде, и он не будет с этим связываться... Это означает, что начальник команды должен обеспечивать участников команды какими-то долгосрочными выгодами, может быть, не силовыми, как с точки зрения продвижения, должностей, так и с точки зрения статуса, ну и в конечном итоге материальными выгодами...» (м., 31–40 лет, бывший глава департамента федерального министерства).

Существует и несколько типов более всеобъемлющих команд, которые объединяют больше 3–10 человек. Такие команды обозначались с помощью кода «Другие команды». Например, некоторые министерства сохранили своего рода дух корпоративной общности, *esprit de corps*, в смысле принадлежности большинства работающих в них чиновников

к некоей общности среднего уровня (команды в узком смысле этого слова относятся к микроуровню, государственная служба или ветвь власти – к макроуровню).

«Вообще-то во многих областях существует что-то вроде корпоративной сплоченности. В МИДе это точно есть. Другое дело, что это – не всеобщее ощущение. Но все-таки это есть» (ж., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Чиновники с одинаковым образованием – те, кто закончил один и тот же вуз (но не в один год), те, кто изучал одну и ту же дисциплину, например физику или прикладную математику, – тоже могут формировать команды в более широком смысле этого слова.

«Вот в предыдущем моем министерстве у нас добрая половина департамента – это были физики. Причем не просто физики, а выпускники МИФИ... просто как-то так повелось, что департамент R – это физики... Физики, потом математики идут дальше по иерархии – здесь да, наверное, что-то в этом есть» (ж., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

В некоторых случаях чиновники, принадлежащие к числу национальных меньшинств, также формируют сообщества, основанные на различении «инсайдеров» (чиновников той же национальности) и «аутсайдеров», посторонних (к которым относят чиновников других национальностей). В приводимой ниже цитате собеседник, принадлежащий к национальному меньшинству, высказывает сомнения относительно той роли, которую его национальность предположительно сыграла в быстром карьерном росте. Однако здесь важнее мнение, распространенное

на тот момент среди работников данного государственного органа. Этот случай может даже использоваться в качестве иллюстрации теоремы Томаса в действии: «Если люди определяют ситуацию определенным образом, то это определение имеет вполне реальные последствия»³⁷.

«В моем случае, мне говорили, очень важную роль сыграло то, что я татарин, так же как министр. Причем министру это было по фигу. Ему было все равно, какой я национальности, хотя он мне сказал: “Приятно, что ты татарин”. Но татар он точно так же рвал, как всех остальных. Но все думали вокруг, что татарин – это очень здорово. Не то главное, что хороший или плохой, главное то, что, как говорили, кандидатура “проходит”. Чем сидеть несколько лет исполняющим обязанности, получим сразу действующего начальника управления. И двинули» (м., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Наконец, чиновники относятся к коллегам из других подразделений или других государственных органов, с которыми установились личные отношения, иначе, чем к другим. Первых считают «своими» и строят отношения с ними посредством обмена небольшими подарками и взаимными услугами. Как бы то ни было, горизонтальные связи с лично знакомыми чиновниками радикально отличаются от контактов с находящимися на том же уровне лично незнакомыми чиновниками.

«Что же касается практики налаживания контактов, то в чиновничьей среде [она] не более, чем во всех остальных, да, есть – обязательно ритуальная... Изменяется ли она существенно, я не знаю, я в советское время не наблюдал, а то, что она достаточно откровенна... эле-

ментарных ритуальных мелочных отношений, которые во многом определяют и круг общения, который, очевидно, складывается. Это совершенно заурядное дело, то есть несение к праздникам колоссального количества поздравительных пакетов» (м., 41–50 лет, начальник отдела аппарата регионального законодательного собрания).

Сказанное о роли малых групп, основанных на личных отношениях, в структурировании взаимодействий внутри властвующей субэлиты применимо и к анализу верховной власти. Можно даже предположить, что с точки зрения исторической перспективы единственным отличием в организации верховной власти является изменчивость типа ее носителя. Изначально в качестве носителя верховной власти выступало физическое тело конкретного индивида, царя. Постепенное возникновение триады «правитель – государство – общество» привело к умножению тел верховного правителя: наряду с его физическим телом появились религиозное, моральное и политическое тела³⁸. Политическое тело верховного правителя выполняет функцию суверена, этого «заемщика власти в последней инстанции». Оно не должно зависеть от состояния здоровья верховного правителя, как это четко выражено в средневековом принципе «Король умер, да здравствует король».

В советское время (по крайней мере, в период после Сталина) в качестве носителя верховной власти выступал высший слой номенклатуры, Центральный Комитет КПСС и особенно его Политбюро. Бывший высокопоставленный сотрудник ЦК в этой связи вспоминает:

«Вот эти сто с чем-то человек, этот Пленум Центрального Комитета, был основной механизм принятия решений.

Хотя власть генсека доминировала, но все равно» (м., старше 61 года, бывший директор департамента федерального министерства и посол).

Эта группа обладающих верховной властью лиц имела преимущественно формальный характер: ее границы были четко установлены в письменном виде, равно как и правила игры. Попытки образования неформальных групп, похожих на команды, и перенесение в них центра принятия решений внутри ЦК сразу же привлекли бы внимание других секретарей ЦК, по крайней мере в начале 1980-х годов. Клань и «обоймы» существовали, но были объектом специального внимания и мер сдерживания.

«Когда он [Горбачёв] приехал из Ставрополя и начал здесь заниматься сельским хозяйством и пытался поначалу к кому-то прийти в гости – к коллегам... Ему сказали: здесь так не принято, за этим смотрят – чтобы тут по углам не шушукались, чтобы не было какой-то компанейщины... Каждый сам по себе» (он же).

После распада Советского Союза носителями верховной власти стали неформальные малые группы: в период правления Бориса Ельцина – «семья» (команда, имеющая своим ядром семью президента), а затем команды. И президент Медведев, и его предшественник на этом посту Путин являются членами особой команды, возникшей в результате сразу нескольких факторов, обусловивших социальную близость ее членов: соседство по

прежнему месту жительства (Санкт-Петербург и его пригород), совместная учеба (юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета), работа (в мэрии Санкт-Петербурга), занятие бизнесом, общие родственные связи и т. д.

«Министр представляет группу близких к президенту людей. Он его личный друг, партнер по бизнесу. С бизнесом связан не столько Е. С., сколько его брат С., с которым у Путина был совместный бизнес в период собчаковского мэрства. Это семейная такая давняя дружба. Они соседи по даче и т. д.» (ж., 31–40 лет, начальник отдела федерального министерства).

Подводя итог, можно сказать, что «малое общество» – совокупность локальных и персонифицированных отношений, предполагающая четкое деление на «своих» и «чужих»³⁹, – представляется ключевым звеном институциональной конструкции современной российской властвующей элиты и субэлиты. Это означает, что главным образом команды, а не индивиды или образованные по формальному признаку группы конкурируют между собой за доступ к высшим эшелонам пирамиды власти посредством комбинирования рынка и власти. Начиная с периода постсоветских реформ успех в борьбе за власть предопределен контекстуальной способностью (*ableness*), или способностью к определенному роду действиям «при наличии соответствующей возможности»⁴⁰, к превращению рынка в орудие для воспроизводства и укрепления власти. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ Более подробно об этой схеме взаимоотношений см.: *Олейник А.* Рынок как механизм воспроизводства власти // *Pro et Contra*. Т. 12. № 2—3. С. 88—106.

² Взаимодействия между государством и бизнесом в ходе глобального кризиса, начавшегося во второй половине 2008 года, также вполне могут развиваться аналогичным образом. Чтобы выжить, бизнесу необходимы государственные субсидии и кредиты. Однако средства государственной поддержки распределяются весьма избирательным образом: лишь ограниченный круг «избранных» может рассчитывать на получение вождельных средств, что создает предпосылки для осуществления контроля входа (доступа к средствам) и его превращения в ресурс власти.

³ *Mann M.* The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation States: 1760—1914. Cambridge Univ. Press, 1993. P. 34. Конфликт в Южной Осетии в этом смысле является скорее отголоском прежних, а не новейших методов.

⁴ В августе 2009 года мировая добыча нефти составила 83,9 млн бар. в день. Страны ОПЕК добывают 28,83 млн бар. в день, тогда как Россия — 9,97, что делает ее крупнейшим производителем сырой нефти в мире. Саудовская Аравия с 8,14 млн бар. в день находится на втором месте (*Monthly Oil Market Report: Sept. 2009*. OECD, 2009. P. 32 и данные РИА «Новости», <http://en.rian.ru/analysis/20090909/156074023.html>).

⁵ US Energy Information Administration. International Petroleum (Oil) Reserves and Resources. 2009. <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/reserves.xls>

⁶ *Dowding K.* Power. Univ. of Minnesota Press, 1996. P. X.

⁷ *Пивоваров Ю.С.* Русская политическая традиция и современность. ИНИОН РАН, 2006. С. 253.

⁸ *Mills Ch. W.* The Power Elite. Oxford Univ. Press, 1957. P. 3—4.

⁹ *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back In* / P. V. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skopol (eds). Cambridge Univ. Press, 1985.

¹⁰ См.: *Олейник А.* Тюремная субкультура в России: От повседневной жизни до государственной власти. М: Инфра, 2001; *Волков В.* Силовое предпринимательство. СПб: Европейский университет, 2002.

¹¹ *Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.* Проблема элиты в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. Фонд Либеральная Миссия, 2007. С. 205; см. также: *Сумма идеологий: Мировоззрение и идеология современной российской элиты.* Институт общественного проектирования, 2008. С. 117.

¹² *Kharkhordin O.* What is the State?: The Russian Concept of *Gosudarstvo* in the European Context // *History and Theory*. 2001. Vol. 40. P. 206—240.

¹³ *Любарский Г.* Чиновники и госслужащие. 2005. <http://bd.fom.ru/report/map/gur050407>

¹⁴ В общей сложности в период с начала 2005-го по конец 2008 года было проведено 64 углубленных структурированных интервью с государственными служащими, занимающими должности начальников отделов, директоров департаментов и их заместителей, заместителя министра, а также экспертами. Группа исследователей включала в себя к.э.н. Наталью Апарину (Кемеровский государственный университет), к.полит.н. Сергея Бирюкова (Кемеровский государственный университет), проф. Оксану Гаман-Голутвину (МГИМО), Евгению Гвоздеву (Свободный университет Брюсселя), проф. Светлану Глинкину (Институт экономики РАН), д-ра социологии Карин Клеман (Институт социологии РАН), к.псих.н. Галину Медведеву (Санкт-Петербургский социологический институт РАН) и автора этой статьи, который выступал также в качестве координатора.

¹⁵ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

¹⁶ *Hellie R.* The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory*. 2005. Vol. 44. P. 88—112.

¹⁷ *Brym R. J., Gimpelson V.* The Size, Composition and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 1. P. 90—112.

¹⁸ *Ryavec K. W.* Russian Bureaucracy: Power and Pathology. Rowman & Littlefield, 2003. P. 53.

¹⁹ «Матрицы власти», как их называет Симон Кордонский (*Рынки власти: Административные рынки СССР и России.* М.: ОГИ, 2006), присутствуют во всех элементах институциональной структуры. Они показывают, как на практике можно использовать «чин» для анализа поведения.

²⁰ См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России.

²¹ См.: *Etzioni-Halevy E.* The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy. Polity Press, 1993. P. 96.

²² *Pobedonostsev K.* Reflections of a Russian Statesman. Ann Arbor Paperbacks of the Univ. of Michigan Press, 1965. P. 270.

²³ *Ledeneva A.* How Russia Really Works. Cornell Univ. Press, 2006.

²⁴ *Gregory P. R.* Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge Univ. Press, 1990. P. 54.

²⁵ Два, пожалуй, наиболее известных хозяйственника 1990-х годов (представителей этой группы также называли «красными директорами»), Леонид Кучма и Виктор Черномырдин, занимали высшие политические должности: первый – президента Украины в 1994–2004 годах, второй – премьер-министра РФ в 1992–1998 годах.

²⁶ Торстейн Веблен определяет демонстративное потребление следующим образом: «демонстративное потребление есть средство достижения уважения» (*Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 113).

²⁷ Google.Ru выдает 903 000 ссылок на документы, содержащие слово «либералы» и 706 000 ссылок – на документы со словом «силовики» (на 01.10.2009). Стоит заметить, что термин «силовики» является более специфичным, он практически не используется вне пределов указанного контекста. Анализ первой сотни ссылок на документы со словом «либералы» показывает, что в 72 случаях оно используется в контексте постсоветских реформ, что позволяет приблизительно оценить общее число релевантных документов в 650 000–700 000.

²⁸ *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 270.

²⁹ Исследования в области виктимизации тоже указывают на возможное расхождение между числом преступлений, с одной стороны, и степенью обеспокоенности собственной безопасностью – с другой (см., например: *Roshé S.* Le sentiment d'insécurité. Presses Universitaires de France, 1993).

³⁰ *Denzau A., North D. C.* Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. 1994. Vol. 47. No. 1. P. 4.

³¹ *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. С. 278.

³² Там же. С. 83.

³³ Там же. С. 62.

³⁴ Подробнее о видах контент-анализа и их применении в данном исследовании см.: *Олейник А.* Триангуляция в контент-анализе: Вопросы методологии и эмпирическая проверка // *СОЦИС – Социологические исследования*. № 2. 2009.

³⁵ Как следует из данной цитаты, единственные объективные данные о составе команд можно найти в телефонных справочниках государственных органов. Говоря точнее, исследователь может идентифицировать команды по одновременным перемещениям чиновников из одного государственного органа в другой на основе сравнения телефонных справочников за разные годы.

³⁶ Этим объясняется присутствие в их числе уборщиц, имеющих доступ к уборке кабинета «топа», а значит, и к конфиденциальным документам.

³⁷ *Merton R. K.* The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. 1995. Vol. 74. No. 2. P. 380.

³⁸ *Малинин Ю.П.* «Королевская троика» во Франции IV–XV вв. // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 1995. С. 20–36.

³⁹ См.: *Олейник А.* Тюремная субкультура в России.

⁴⁰ *Morris P.* Power: A Philosophical Analysis. St. Martin's Press, 1987. P. 80.